

И ВСПЫХНУЛО НЕБО ПЕРВЫМ САЛЮТОМ

80-Й ГОДОВЩИНЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ
ОТ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Дмитрий БЛЫНСКИЙ
(1932 — 1965)

ТАКОЕ НЕ ПРОСТИТСЯ НИКОГДА

Мне было в том году неполных десять,
Когда пришёл фашист в начале дня,
Чтобы меня в моём саду повесить
Или в моей же хате сжечь меня.

Под детский плач он всё решил заране,
Он всё учёл под орудийный гул,
И окна школы, где цвели герани,
Колючкой ржавой он перечеркнул.

Моя тропинка с зеленью медвяной,
Где от цветов кружилась голова,
Легла от дома к школе чёрной раной
Его противотанкового рва.

Я видел сам со школьными друзьями,
Как у него не дрогнула рука
Свалить, столкнуть, живым засыпать в яме
Учителя, седого старика.

Его штыком мальчишка был заколот
За то, что плакать не имея сил,
Ручонками и ртом — такой был голод —
Мальчишка есть у матери просил.

Нам не забыть — за это мы в ответе, —
Как, обращаясь к мёртвым и живым,
Зывают к мести женщины и дети,
В моем краю расстрелянные им.

Будь русским ты, поляком или немцем,
Будь из норвежцев или из мадьяр, —
Твоих друзей сгонял фашист в Освенцим
И сталкивал под пули в Бабий Яр.

Нам не забыть, пройдя сквозь все тревоги,
Сквозь сто смертей и тысячи обид,
Что он раздавлен в собственной берлоге,
Но он ещё поныне не добит.

Ничто не прощено и не забыто,
А бундесверский Бонн уже готов
Помиловать убийцу и бандита,
Простить его за давностью годов.

Мы знаем всё об этом человеке,
Он не уйдёт от правого суда:
Такое не забудется вовеки,
Такое не простится никогда.

МУЖЧИНА ПЛАЧЕТ...

Георгию Спасову

Ест племянник мой яблоко всласть
И, сжимая, боится — уронит.
А народу вокруг на перроне —
Даже яблоку негде упасть.
Поезд прибыл в Москву из Софии
С ветеранами прошлой войны.

И болгарские речи слышны,
И цветы пламенеют живые.
Машет, машет племянник рукой,
Не поймёт он, что это всё значит:
— Посмотри-ка, мужчина, а плачет,
И к тому же огромный такой...
В первый раз он увидел объятья,
Перевитые руки мужчин:
Житель Плевны и наш смолянин

Обнялись, как законные братья.
Как ему объяснить на вокзале
Про какую-то ту войну,
Где им пальцы рубили в плену
И на спинах слова вырезали.
Где, забыв, что такое слеза,
Лишь сдвигали от мук они брови,
И дымились рубахи от крови,
И горели сухие глаза.

Иван АЛЕКСАНДРОВ (1932 — 2010)

* * *

Мы рано детство потеряли
В чужой и дальней стороне.
В одной упряжке с матерями
Мы воз тянули на войне.

Нет, воз тот был не символичный,
А самый грешный и земной,
Забитый тряпками обычными
И прочей кладью избяной.

То был не воз, а просто тачка
На двух помятых колесáх.
И мать, мужичка и гордячка,
И то скисала на глазах.

— А им-то легче, им-то легче? —
Я грустно в сторону глядел,
Где на родной орловской речке,
Не затихая, бой гремел.

— Ну, хорошо: давай немного,
Ещё немножко поднажмём! —
И мы, подлаживая ногу,
Тащили тачку на подъём.

Я до сих пор всё это вижу! —
Не вспоминать бы век о том,

Да за спиной порой услышу:
Мол, воз-то явно не по нём.

Прости меня, судья мой строгий,
Что по-мальчишески веду.
Я до сих пор по той дороге,
По той распутице бреду.

В одной упряжке с матерями
Мы где-то там ещё бредём.
Мы рано детство потеряли,
А взрослость —
Вряд ли обретём!

* * *

Эхо боя ударяет в уши,
Небо полыхает и дрожит.
По сугробам от Москвы до Зуши
Фриц с горящим факелом бежит.

В деревеньке на глухом откосе,
Ожидая ляха во дворе,
Мы ночами стынем на морозе
В лютом сорок первом декабре.

А теперь, доверчивых дурача,
Знатоки бездумно наплели:
Мол, не так всё было, а иначе —
Был июнь, и ландыши цвели...

ЯБЛОКИ

Зреют яблоки, соком полнятся;
Но в пахучую пору эту
Мне другие яблоки помнятся
И совсем другое лето.
Берегами, заросшими рощами,
Весь в пыли и поту от похода
По разбитым дорогам Орловщины
Август шёл сорок третьего года.
У людей же улыбки радушные,
Будто нет ни разрухи, ни голода.
Площадь шумно людьми запружена,
Словно вышло с цветами лето,
И встречает сегодня дружно
Русских воинов гулом приветов.
Я стоял возле матери смирно,
От рассвета ёжился зябко...
Вдруг
Солдат в гимнастёрке застиранной
Протянул мне
Два спелых яблока.
Были яблоки крутобокие.
И, взглянув на весёлые лица,
Тот солдат улыбнулся и, окая,
Мне:
— Возьми. Отобрал у фрица.
Мне как будто сказать было нечего.
Я стоял и молчал, как рыба.
Только к матери жался застенчиво
И совсем забыл про «спасибо»...
Годы скачут, как белые лошади.
Я теперь вспоминаю часто,
Как тогда на гудящей площади
Ел я сочные яблоки счастья.

МАЛЬЧИКИ — СВИДЕТЕЛИ ВОЙНЫ

Матери моей

Память, память,
Ты порой нелепа.
Помню:
Я — малыш, а рядом мать.
Мне бы корку маленькую хлеба,
Только где её теперь достать?!

Мать.
В её глазах и боль, и жалость,
И губа закушена слегка.
Ласково к щеке моей прижалась
Дрогнувшая матери рука.

— Потерпи, сынок... — шептали губы.
«Потерпи...» — я помню и теперь.
И голодный,

сжав до боли зубы,
Я учился медленно
терпеть.

Дни крутые были у эпохи,
Мы выросли, днями дорожа,
Мы росли, и нас боялись боги,
За седыми тучами дрожа.

Мы росли и оставляли парты —
Мальчики — свидетели войны,
И учились не у школьной парты
Обживать безбрежье целины.
Белый ветер бил в лицо упруго,
Жизнь учила в битвах не сдавать,
Дорожить всегда заботой друга,
Золотом оценивать слова.

Мы росли, мужая, как Россия,
В нас любовь светилась и текла,
Нас на гибких крыльях выносила
Сила материнского тепла.
Может, потому я часто вижу
Это: я — малыш, а рядом — мать...
И чем дальше те года, тем ближе,
Тем больше их припоминать.

Память, память,
Ты порой тревожно
Бьёшь по нервам,
бешено скользя.
Позабить иное невозможно,
Потому что забывать нельзя.

Виктор ДРОННИКОВ (1940 — 2008)

* * *

Я спал в зелёной колыбели,
У птичьей песни на краю,
Когда железные метели
Накрыли Родину мою.

Свинцовых струй вражда слепая,
Цветов кровавая купель.
Мать. Мама. Девочка седая
Мою качала колыбель.

Прошла гроза, и вслед за громом
Над вешней Родиной моей
Всем существом, зелёным горлом
Ударил ранний соловей.

Как будто пел за всех пропавших
У птичьей песни на краю...
Как чутко древний свет ромашек
Овеял Родину мою.

* * *

Безымянным героям 41-го года

Незапамятные даты —
Сорок первый на крови...
Безымянные солдаты.
Безымянные бои.

Отступали, отходили,
Огрызались вразнобой.
Безымянные могилы
Оставляли за собой.

Ни письма, ни похоронки
Ни оттуда, ни туда.
Безымянные воронки,
Безымянная вода.

Родниковым синим током
Бьёт и бьёт из глубока.
Потому ты, знать, ширóка,
Волга-матушка река.

АППАССИОНАТА

(баллада)

Он слышал в ней —
и птиц весенних трели,
и выстрелы сверхмощной батареи,
и что-то непонятное,
большое,
зовущее и к жизни
и на бой!
И он бежал к учительнице:
— Что это? —
А дома мать качала головой.
Он с неохотой ехал в дальний город —
скучал по матери,
далекому селу...
Потом профессора негромкий голос:
— У вас, мой мальчик, абсолютный слух.

И он спешил...
Он через месяц ровно
играть её профессору пошёл.
— О нет,
мой мальчик,
это не Бетховен.
Сыграйте-ка мне гамму «до-мажор».
А пальцы продолжали оступаться.
Профессор был спокоен и назойлив,
но он играл,
натруживая пальцы,
не замечая времени и боли!

Война...
Он видел сам,
как из-за леса
на город налетели самолёты
И как лежал недвижимый профессор,

бинтами,
точно саваном,
обмотан...
А рядом —
высеченный из гранита,
взрывною силой сброшенный Бетховен,
казалось,
небу знойному грозит он
своей могучей каменной рукою!

Привыкшие к нагрузке непомерной,
к работе изнурительной и нервной,
чувствительные руки пианиста
освоились с винтовкой очень быстро.
Но снился по ночам не раз солдату
на много тысяч мест концертный зал,
где он играет «Аппассионату»,
и он,
проснувшись,
вытирал глаза.
Он видел столько горя,
столько крови.
Россию и Европу он прошёл,
он немцев бил за немца,
за Бетховена,
как «бил» когда-то гамму «до-мажор».

Он не играл.
Он думал, что, наверно,
ему теперь и гамму не суметь.
Но вот в полуразбитом доме Вены
старинный отыскался инструмент.
Солдаты усмехались:
— Завалющийся!
— Не тронь его —
он сам «сыграет в ящик»! —
Хозяйка дома,

поклонившись низко,
«Сыграйте!» — попросила пианиста.
Он подошёл к роялю неуверенно,
подвинул — тоже старый — венский стул.
Солдаты так затихли, как, наверно,
не замирали даже на посту.
А пианист сидел прямой и бледный,
и руки,
огрубевшие в боях,
вдруг поднялись и с плавностью балетной
тихонько опустились на рояль...
Рояль запел...
Негромко,
старомодно...

И был таким просящим первый звук,
как будто жил рояль сто лет голодный
без этих огрубевших в битвах рук.
Не шелохнувшись,
слушали солдаты,
винтовки почему-то сняв с плеча,
а зал уже гремел «Аппассионатой»,
и мир уже Бетховеном звучал.

А за окном
вставало солнце мая,
и звуки уносились за окно,
и люди все друг друга понимали,
любили и стояли заодно!

Геннадий ПОПОВ (1940 — 2015)

НАКАНУНЕ

Двадцать второе июня —
Тёплая тишина,
Светлое полнолуние,
Тёмный проём окна.
Рек пограничных теченье,
Миг с небольшим до беды...
Вставали, как на ученьях,
Призраки из воды.
Память опять накануне:
Слышен границ набат.
Двадцать второе июня —
Враг не дойдёт назад.

КУРСКАЯ ДУГА

*Памяти Героя Советского Союза,
русского поэта Михаила Борисова*

Стальные метели в полях под Орлом
Июльской порой сорок третьего года
Казалось, сметут всё смертельным огнём...
Россия стояла здесь волей народа.

И злобную силу согнула в дугу
В бою беспощадном, кровавом и лютом.
Здесь выжили мы на погибель врагу!
И вспыхнуло небо первым салютом.

И снова июль... В чистом поле стою,
Под Курском —
на той высоте безымянной,
Где пали солдаты в последнем бою,
А ныне —
в строю под звездой деревянной.

На братских могилах родная земля —
Была и останется нашей веками.
Но кажется мне, что ржаные поля
Теперь колосятся стальными штыками.

На Курской дуге в небывалых боях
Россия сражалась за нашу свободу.

Тогда не дозрели хлеба на полях —
Июльской порой сорок третьего года.

Но Курск и Орёл одолеть не смогла
Чужая броня, что рвалась до Урала.
Бесславно на здешних полях полегла
И в наших мартенах потом догорала.

Игорь КРОХИН (1940 — 1992)

ТЫЛОВАЯ ДЕРЕВНЯ

Не верещит —
Замёрз сверчок,
До тёплых дней не отзовется.
Наверно, поломал смычок,
А вот починит — и вернется?
Мать принесла вязанку дров —
Морозный хворост,
Не поленья.
Трещит в печи огонь —
Багров,
С вишнёвым отсветом варенья.
Не потеплело —
Коркой льда
Стекло оконное покрыто,
Ледком подёрнута вода, —
Блестит, как озеро, корыто.
Вода со звонами в ведре,
В пустой кастрюле тоже звонко.
Зима в избе и на дворе,
Но только бы... не похоронка.

ПОБЕДА

Рассыпалась в небе ракета,
Взлетела другая звездой.
Победа...
Победа?
Победа!
А хлеб на столе с лебедой...

Гуляла деревня с восхода,
А к вечеру стало шумней:
Бывалого столько народа
Пылило со станции к ней.

Навстречу гармонь зарыдала
И стихла — и срезался звук.
И в голос одна, молодая,
О встрече, что горше разлук...

Какое же всё-таки счастье,
Забыв о ржаном калаче,
Качаться,

качаться,

качаться

Верхом на отцовском плече.

Владимир ПЕРКИН (1943 — 2002)

ВЯЖИ

Туман окутал рыжие курганы,
Стих ветерок, и гомон птиц затих.
Здесь пронеслись такие ураганы —
На тыщу лет вполне б хватило их.
И потому такая онемелость
И тишина — аж оторопь берёт.
Как будто наревелось, нагрелось,
Навылось здесь на тыщу лет вперёд.
Такой покой...
Сомкнёшь неволью веки
И тихо сердцем вымолвишь одно:
Здесь столько крови пролито — вовеки
Её пролиться больше не должно.

Ещё не раз история расскажет,
Взметая вёрсты огненных дорог,
Про танковый прорыв в районе Вяжей,
Про жаркий бой за хутор Одинок.
Когда от гула землю закачало,
Броня — и та вдруг крылья обрела...
Вот тут споткнулся враг одичалый,
Со сломанной хребтиной —
У Орла!

У ПЯМЯТНИКА

Соловьи как будто ошалели,
День и ночь их пение гремит,
Пулями пробитые шинели
Заменили бронза и гранит.

Я стою, и свет глаза мне режет.
Сердце никогда не отболит.
Где же раньше, спрашиваю, где же
Были вы — и бронза, и гранит?

Почему, когда накрыл собою
Он огонь, летящий из ствола,
Ты его кольчугой боевою
Не прикрыла, бронза, не спасла?

Отчего, когда в глухую полночь
Рвали ногти, болью ослепя,
Ты, гранит, не бросился на помощь —
Что те пытки были б для тебя?

Видно, так ведётся век от века:
Где сдают и бронза, и гранит,
Крепче стали сердце человека,
Если в сердце Родина горит.